

И даже в области балета мы... далеко не впереди

Жизнь, правда, - 1994. - 27 окт. - с. 8

Хотя выдающиеся балетмейстеры Наталья Касаткина и Владимир Василев остаются оптимистами

Московский государственный театр классического балета под руководством Натальи Касаткиной и Владимира Василева известен во всем мире. В негласном рейтинге российского балета он твердо стоит на третьем месте вслед за Большим и Мариинским театрами. За последние десять лет из коллектива Касаткиной и Василева вышли 15 лауреатов международных конкурсов и 3 лауреата самой престижной премии Парижской академии танца. Супруги ставили номера для Майи Плисецкой, Екатерины Максимовой, Михаила Барышникова...

— Сорок лет вы неразлучные партнеры на сцене и в жизни. Как вы познакомились?

Владимир Василев: Какой бы известностью ни пользовался театр, он никогда не может накормить своих артистов творчеством. В Большом мы каждый отпуск мелкими группами выезжали на гастроли. В одной из них я и участвовал. Перед отъездом ко мне подошел приятель и сказал: «Возьми эту девочку в пару и пригляди за ней. Я очень хочу на ней жениться». Пришлось приглядеть, и закончилось все печально для моего приятеля.

— В любом театре есть своя иерархия, свои закулисные интриги, пересуды за спиной. В Большом вы с подобным не сталкивались?

Наталья Касаткина: Скажу понятнее — в театрах существует что-то вроде дедовщины. Когда заведующая балетом впервые привела меня в артистическую уборную, то одна из танцовщиц, работавшая в Большом не первый год, просто выгнала меня, сказав, что здесь свободных мест нет. Когда меня привели туда же второй раз, она ткнула в меня пальцем и спросила: «А эта девка что может?». Сразу откуда-то прошел слух, что мой дедушка был шофером Ленина. Восемь лет в театре в этом не сомневались, и мои партнерши однажды были сильно удивлены, узнав, что один мой дедушка был скульптором, а второй бухгалтером.

— Вы начали ставить балеты параллельно с выступлениями на сцене. Как воз-

никла такая на первый взгляд безумная идея?

В. В.: Мне всегда хотелось чего-то большего, ведь я не был таким ярким артистом балета, как Наталья. Мы встречали Новый год вдвоем, ни в гости, ни в ресторан идти не могли — у Натальи уже был наш будущий сын. В новогоднюю ночь и написали первые слова либретто спектакля «Ванина Ванини» по Стендалю.

— Писать музыку к «Ванина Ванини» вы пригласили молодого и совершенно неизвестного композитора Николая Каретникова. Правда ли, что именно из-за музыкального оформления ваш дебютный спектакль мог не увидеть свет?

В. В.: Музыка Каретникова не воспринималась оркестрантами. Они всячески саботировали репетиции, писали доносы в ЦК КПСС, выражали свое возмущение тем, что Большой пригласил бездарного композитора.

Н. К.: Шостаковича пригласили на художественный совет, на котором должны были уничтожить наш спектакль. Он первым попросил слова и, заикаясь, сказал: «Прежде всего я хочу поблагодарить оркестр. Музыканты очень помогли молодому талантливому композитору. Я поздравляю театр с удачной премьерой: потрясающий балет, замечательная музыка...» После его слов никаких претензий на худсовете не было.

— Вам, молодым постановщикам, в Большом театре позволяли выпускать лишь разовые спектакли «вне плана», но балет «Весна священная» на музыку Стравинского прогремел на весь мир. Снова счастливый случай?

В. В.: Без случая не обошлось. Замечательный американский импресарио Соломон Юрок отбирал спектакли для показа в Нью-Йорке. Игорь Моисеев уговорил его посмотреть «Весну священную», и он настоял, чтобы его везли в Америку. Более того, он сообщил администрации театра, что этим спектаклем откроются гастроли, и договорился с великим Стравинским о том, что тот будет стоять за пультом. Когда об этом узнала

министр культуры Фурцева, ее реакция была незамедлительной: «Нечего какому-то Стравинскому примаазываться к успехам советского балета». Организаторам пришлось извиниться перед композитором. Но «Весна священная» в Америку все же попала.

— После гастролей советская пресса разнесла спектакль в пух и прах, а вы на шесть лет были отлучены от Большого театра. Неужели спектакль в Америке не понравился зрителям?

Н. К.: Успех был огромный. Критики писали о том, что «Весна священная» лучший на тот момент спектакль Большого. Отрицательной оказалась одна-единственная рецензия, ее-то и привезли в Москву.

— Как же вам удалось перебраться в Ленинград и поставить в Мариинском театре «Сотворение мира»?

В. В.: В Ленинград нас пригласил композитор Андрей Петров. Когда балет «Сотворение мира» был уже готов, из Москвы приехало семь комиссий с одним заданием — запретить постановку. Но сработало вечное противостояние двух российских столиц, нам очень помог Ленинградский обком, и балет все-таки вышел. Очень скоро «Сотворение мира» шло в 55 театрах.

Н. К.: И еще на «Сотворении...» нам повезло с исполнителями. Именно в этом спектакле раскрылся полностью талант Миши Барышникова. Изумительно играли Чертовку Каля Федичева, а Еву — Ирина Колпакова. Но кто сейчас вспомнит, что у нас дебютировала на сцене Людмила Семеняка, которая тогда только пришла из школы!

— Какие у вас сейчас отношения с Большим театром?

Н. К.: Совершенно никаких. Оперу «Так поступают все» мы поставили в конце семидесятых и с тех пор со служебного входа туда не заходили. Если хотим что-то посмотреть — покупаем билеты.

— Семнадцать лет назад вы возглавили Московский классический балет — на тот момент чисто гастрольный коллектив, без своей площадки, с не самыми лучшими исполнителями...

Н. К.: В новом коллективе было на тот момент 28 чело-

Н. Касаткина на сцене Большого...

...и 30 лет спустя с мужем в их театре.

век, совершенно деморализованных и перессорившихся. Они даже в один автобус вместе не садились. Программа у них была всего одна... Мы сразу начали «Гаяна», Арам Ильич Хачатурян был смертельно болен, и это была его последняя работа. Мы приходили к нему в больницу, он нам постоянно звонил.

— Помещения у вас так и нет до сих пор?

В. В.: Так и нет. Мы благодарны Кремлевскому Дворцу, площадке в Олимпийской деревне за их приглашения. Но ведь у нас репертуар из 29 спектаклей. Тот же Большой театр упрекают в отсутствии премьер, а мы каждый год ставим один новый спектакль и возобновляем старый. Наши трудности не творческие, а организационные.

— Но помещения вам, кажется, выделялось...

В. В.: Действительно, нам передали позор столицы — развалившийся конюшенный двор. Конюшни мы снесли, но как нам быть дальше? В план строительства Москвы мы не включены.

— А заградная помощь не предлагала?

В. В.: Найти инвесторов за

границей проблем нет. Они, не размышляя, вложат в строительство деньги, но тогда часть театра придется отдать под магазины и офисы.

— Не проще ли уехать работать на Запад подальше от проблем и суесть?

Н. К.: Приглашений было много. Последний раз — возглавить театр в Америке, причем под любые постановки. Ставили единственное условие — в труппе должны быть только американские исполнители. Мы отказались.

В. В.: Мы уже давно можем почитать на лаврах и, ничего не делая до преклонного возраста, стричь купоны со старых постановок, но почему-то, как идиоты, все время куда-то стремимся.

— В области балета мы пока еще впереди планеты всей или что-то уже изменилось?

Н. К.: К сожалению, те времена в далеком прошлом. Престиж отечественного балета на Западе утерян, и мы сами в этом виноваты. За рубежом выезжает масса новообразованных балетных группочек, причем это даже не коллективы, а случайно собранные люди. Самое ужасное, что на всех афишах анонсированы

«звезды Большого» или «звезды Мариинского». На последних гастролях мы удивились такой афише: два-три балетных пенсионера Большого, которых и в лучшие годы звездами никто не называл, и артисты кордебалета. А на афише Мариинского мы вообще ни одного знакомого имени не увидели.

В. В.: Когда за рубежом ругают Большой театр — автоматически падает интерес ко всему российскому балету. А сейчас — как у нас, так и на Западе — больше рассказывают об интригах в Большом, но никак не о творчестве.

— А западный зритель очень непохож на нашего?

Н. К.: Там зрители обеслись классикой и с большим интересом воспринимают авангардные постановки. В России же совершенно пропал вкус к новому. Наш зритель хочет видеть то, что он знает. Нам очень хочется как можно быстрее построить свою площадку — небольшую и уютную. Тогда мы сможем воспитывать своего зрителя.

Беседовал
Алексей БЕЛЫЙ.